

Игорь Куберский

Портрет Иветты

Проза о любви

Игорь Куберский
Портрет Иветты

«Институт соитологии (ИС)»

Куберский И. Ю.

Портрет Иветты / И. Ю. Куберский — «Институт соитологии (ИС)», — (Проза о любви)

Произведения известного петербургского прозаика, поэта и переводчика Игоря Куберского, написанные им в последние годы, посвящены теме любви и эротике. Испытание духа и плоти, роковой поединок, из которого не всегда выходят живым – такой предстает любовь в увлекательных текстах этого наследника литературных традиций Ивана Бунина, Владимира Набокова, Юрия Казакова. Искусность автора в изложении любовной тематики побуждает нас считать его творчество неким эталоном эротической прозы в современной отечественной литературе. И подобно тому, как температуру окружающей среды у нас принято измерять в градусах Цельсия, степень литературного эротизма можно было бы измерять в Куберах. Истории всепоглощающей любовной страсти, которая может стать разрушительной, посвящена впервые издаваемая повесть «Портрет Иветты» и ее «Эпилог» в одной из версий.

© Куберский И. Ю.

© Институт соитологии (ИС)

Игорь Куберский

Портрет Иветты

Эту повесть, написанную более двадцати лет назад, я многожды сокращал, вычеркивая все, что, на мой взгляд, тускнело от стремительно меняющегося времени. Теперь в ней, кроме любви к обетованному Крыму, которого мы лишились, и к женщинам, которые нам изменили (или мы им, что, в общем, одно и то же), ничего, пожалуй, и не осталось, но это меня вполне устраивает.

Благодарю свою старшую дочь Алину Куберскую, взявшую на себя труд отредактировать эту впервые публикующуюся вещь.

С севера дул сильный ветер – и внизу по воде, испещренной мертвой зыбью, змеились темные полосы. С окружающих холмов скатывался низкорослый подсушенный кустарник, дальше мрели лиловые изломы Сюрю-кая, похожие на разрушенный замок. Тропа уперлась в скалу, пошла вправо и вскоре вовсе оборвалась. Поколебавшись, Кашин полез вверх. Двигался он легко, с удовольствием ощущая еще молодую силу мышц. Насте не терпелось следом, но он погрозил ей пальцем. Добравшись до очередного скального уступа, Кашин сделал шаг вперед, и взгляд его лишился опоры – впереди зияла пустота. Вытянув шею, он осторожно глянул вниз. Камни и заросли. Метров двадцать... Холодок пробежал между лопаток. Кашин отступил к каменной стене и тут же, в метре от обрыва, нашел безопасный путь.

– Дима, я лезу за тобой, – настаивала дочь, глядя на него снизу – ладошка козырьком. Он хотел спуститься за ней, но она звонко крикнула: «Лезу!» – и стала взбираться с неожиданной ловкостью. Через минуту ее покрасневшее личико выглянуло рядом из-за камней:

– Куда теперь?

Он молча мотнул головой в сторону. Он стоял, заслоня спиной пропасть и чувствовал, как ее дыхание наполняет болезненной слабостью руки и ноги. Он не любил высоту.

Дочь так ничего и не заметила, и они двинулись дальше. Целью их был Чертов палец.

– А он какой? – спрашивала она. – Он не зашевелится?

– Думаю, что может, – многозначительно отвечал Кашин.

– Дима! – дергала Настя его за руку, заглядывая в глаза, – я серьезно спрашиваю...

Со стороны Магнитного хребта он был похож на истукана с острова Пасхи – даже среди этих неправдоподобных силуэтов, скачущих вниз, к морю, даже среди них – фантастический. На вершине виднелась рукотворная пирамида из камней – кто залезал? Он был сумрачный, ноздреватый, пупырчатый – в каждом углублении роилась крошечная тьма.

И совсем другим оказывался дальше, со стороны дороги, огибающей Святую гору, – из дубовой рощицы, звенящей жесткой листвой, – словно огромная бабочка, опираясь на окаменелые крылья, подымала к небу маленькую квадратную головку. Драма каменной плоти и замурованной души. Кашин усмехнулся. Недаром его так сюда тянуло.

Однако изображению все это не поддавалось. Он сел спиной к Чертову пальцу и раскрыл на коленях этюдник. Перед ним был хребет, похожий на костяную спину стегозабра. Солнце уже стояло высоко и било резко, слепяще, не оставляя теней и оттенков. Кашин торопился, чтобы Настя не раскисла от жары, и эта внутренняя суета мешала ему почувствовать, что же он собственно хочет изобразить. Но рука его двигалась привычно – с навыком, который может обойтись и без вдохновения. Кашин давно взял себе за правило просто работать, каждый день, пусть даже в никуда. Он поработал, значит, имеет право дальше жить. Это право нужно было

отстаивать постоянно, будто еще со студенческих лет он попал к самому себе или к Богу в должники.

За его спиной на тропе раздавались шаги людей, к нему скатывались камешки. Всем хотя бы издали хотелось посмотреть, что же он там делает, словно он со своим этюдником входил в обязательный набор здешних достопримечательностей. Затылком он чувствовал людскую агрессию любопытства. Художник – это всегда вызов, и улица для него – область риска. Настя ходила кругами, словно оберегая его. Но смотреть, собственно, было не на что – тайна, которая, казалось, дышит, шевелится, проступает, тайна сгинула, хотя он продолжал упорно смешивать краски и водить кистью по бумаге. Мокрый красочный слой из-под кисти мгновенно просыхал. Акварель была почти загублена.

– Неплохо, – сказала, подходя, Настя. – Я тоже хочу порисовать, можно? Я быстро.

Пока дочь склонялась над этюдником – в широкополой шляпке ей было не так жарко – он искал спуск к морю. Из распадка поднимались остроконечные каменные башни, словно несущие опоры давно уже развеянной и размытой поверхности жизни.

Настин эскиз его удивил и обрадовал. Никаких тебе конфликтов. Будто здесь ее собственный дом. Все весело, мирно и ярко. Откуда у нее такие цвета? Ему, пожалуй, было чему у нее поучиться.

– Умница! – сказал он, целуя дочь в щеку.

– Тебе нравится? – откинула она голову, чтобы увидеть его из-под полей шляпки.

– Пойдем, – сказал он, – у меня терпения осталось только на час, а нам еще два часа ходу.

– Ничего, – сказала она, – я тебя потом понесу.

Они поделили последний персик и вышли на склон. Внизу из-за него выныривали на голубой простор плавные охристо-зеленые увалы последнего перед обрывом карниза. Нити тропинок обегали подъемы и спуски.

– Не хочу к морю, – сказала Настя. – Давай лучше поищем драгоценные камни. Ты ведь обещал, – в голосе ее прозвучала готовность услышать отказ, но Кашин кивнул.

Они выбрались к водостоку и, цепляясь за кустарник, спустились в желоб, выточенный в скале. Какие-то светлые изысканные линии пробегали по нему.

– Что это? – нагнулась Настя, поглаживая пальцами проступающую нежно-розовую ветвь.

– Халцедоновая жила, – сказал Кашин.

– Только... как... тебя... достать? – закричала Настя, делая вид, что выцарапывает ее. Они порыскали вокруг и на нижних уступах каскада в россыпях камней нашли несколько полупрозрачных, загорающихся под солнцем осколков.

– Как нам повезло! – протяжно дышала Настя. Глаза ее потемнели, голос зазвучал глубоко, она вдруг стала быстрой и ловкой – совсем как ее мать...

Русло водостока то расширялось, образуя огромные пустые чаши, то снова становилось узким, мелким, забитым камнями.

– Не завидую тому, кого здесь застанет гроза, – сказал Кашин.

– А что? – насторожилась Настя.

– Камни... Все эти булыжники... Они катятся сверху, в водопаде. Представляешь?

– Дима, перестань меня дразнить.

– Я не дразню.

– Разве сегодня будет гроза?

– Почему бы нет...

– Дима...

– Что?

– Может, уже хватит? Пойдем, а?

Подниматься стало много труднее – сумка с камнями тянула вниз, словно невидимая враждебная рука. Далеко вверх врезался в чистое небо освещенный солнцем уступчатый гребень хребта, но прямого пути к нему не было.

– Дима, куда ты? Нам же наверх... – В голосе Насти слышалась тревога и усталость.

Вышли не там, где Кашин предполагал. Справа открылось ущелье, затененное и глухое. Два дымчато-сизых истукана предвляли его – словно два клыка огромной пасти. Настя шла, прижавшись к Кашину. В распадке замерла густая куполообразная зелень. В этой замершей зелени таилось какое-то напряжение. И вдруг, словно разряжая его, внизу возник беззвучный оранжевый огонек. Лиса. Она спокойно пересекла темное открытое пространство, словно кто-то плавно пронес свечу, и скрылась под неподвижной листвой.

– Там ее нора, – тихо сказал Кашин.

– Пойдем отсюда, – прошептала Настя. – Я боюсь...

Кашин и сам испытывал странный трепет. Вокруг шла другая жизнь, которой не было до него никакого дела, и он чувствовал себя уязвленным, словно из творца сам превратился в ее участника.

– Вот так пойдем, – тоже шепотом сказал он, показывая рукой наискось вдоль пологого каменного склона, похожего на скат огромной воронки.

Склон был усеян мелкими круглыми камешками – они катились из-под ног, шурша и пощелкивая.

В урочище тихо цепенели сумерки – только башенные отроги хребта Кок-Кая по ту сторону сокрытого деревьями распадка дотягивались до оранжевого светового потока.

Поскальзываясь, миновали склон. Дальше пути не было. Оставалось или спускаться к распадку, или карабкаться по каменным уступам вверх. Спускаться не хотелось – высота словно хранила от опасности, мерещившейся под пологом замершей листвы.

Возле скалистой гряды под ногами поползла осыпь. Кашин тянул за собой Настю. Прошиб пот, и что-то нехорошее шевельнулось в груди – ведь они идут наугад. Из-под разбуженных камней вставала серая мучнистая пыль. Настя, цеплявшаяся за него, словно угадала, что ему трудно, и вырвала руку:

– Папа, я сама...

До гряды было всего ничего, но за четыре шага удавалось продвинуться лишь на один. Они взяли чуть правее, чем следовало, и оказались рядом с обрывом. Внизу, глубоко врезавшись в скальное ложе, темнело сухое русло.

– Теперь сюда, – деловито, будто все под контролем, кивнул Кашин, загораживая спиной обрыв. – Тут просто. Полезешь?

– Да, папа.

Из-за горы пророкотал гром.

– Гроза! – в отчаянии сказала Настя. – Что мы теперь будем делать?

– Ерунда, – улыбнулся он. – Успеем.

На крутом подъеме он вдруг потерял равновесие и, выпустив сумку с камнями, сполз вниз, хватаясь за предательски разламывающуюся под пальцами породу.

Настя мгновенно обернулась.

– Лезь, лезь, – махнул он рукой. – Я сейчас...

Настя медленно покачала головой. Она глядела так, будто поняла про него что-то новое.

– Лезь, – повторил он.

– Я тебя подожду, – сказала она, не сводя с него глаз.

Теперь он сначала перебрасывал наверх сумку, а затем подтягивался сам. Так было медленнее, но вернее. Настя, успокоенная, молча двигалась рядом. Они одолели последние камни гряды – дальше, будто все предыдущее было лишь мукой сна – дальше открылся плавный, поросший травой склон, а за ним – знакомые очертания Кок-Кая, но теперь так близко, что

хотелось смеяться. Тучки, в которых гроыхнуло недавно, разбежались – и солнце дарило миру свою благодать.

Перевалили через хребет, и отсюда, с северного его склона, взору предстала огромная долина, пронизанная вечерними лучами. Она была совсем иной, чем несколько часов назад, когда Кашин пытался написать ее. Долина была воплощена темно-зеленым массивом Святой горы и патетическими зубцами Сюрю-Кая и походила на золотое руно, распятое на солнечных спицах. Каждое дерево светилось, как золотой завиток. Это был триптих – явление флоры в золотом окладе земной плоти и света.

Спуск плавно подносил их к этой проступающей во всех подробностях картине. Даже камни, которые они вынесли с собой, потускнели перед ней. Однако дочь боролась за каждый осколок:

– Пап, смотри, ну, а этот-то мы возьмем?

Камни лежали у ног серой безликой грудой.

– Зачем нам столько, – говорил Кашин, – я не донесу. И вообще в жизни надо довольствоваться малым.

– Мы подарим их нашим друзьям.

– У нас здесь нет друзей...

– Будут, – с интригующей уверенностью сказала Настя.

Неподалеку от дома на пустынном плато под названием Тепсень, где тысячу лет назад было городище, они встретили своих соседей – двух молодых женщин и подростка, прогуливающего на поводке маленькую хозяйскую собаку.

Жильцов в большое привольное хозяйство, принадлежавшее тучной старухе Марии Кузьминичне наехало немало, но все они почти не мешали друг другу, сталкиваясь разве что возле общего холодильника да уборной. Он сделал вид с веранды – раскидистая пышная туя, виноградная лоза и палисадник, за которым под оранжевой черепичной крышей голубела стена соседнего дома. В ту же ночь, проснувшись от хруста гравия за стеной, Кашин увидел в лунном свете голого мужчину, справлявшего на эту стену свою малую нужду. Луна лепила своим округлым блеском его коротконогое мускулистое тело сатира.

Днем купались, а вечером гуляли по поселку. На соседнем участке, куда была загнана черная «волга», утром перед горой сырого мяса садились за стол семь смуглых, как грачи, усачей, днем оттуда вдоль всей улицы тянулся ароматный чад шашлыков, а вечером усачи сидели в прежних позах, глядя на пустой стол. Однажды Настя затащила Кашина на танцы. Он был ее партнером. Она замечательно двигалась, не спуская с него горящих глаз. Восьмилетняя девочка... в ее годы он еще пускал из окна мыльные пузыри.

В тот день после похода на Кара-Даг поужинали рано. Усталость дала себя знать – Настя мгновенно уснула, да и сам Кашин впал в забытие. Очнулся он, когда за занавесками было темно. За стеной раздавались приглушенные женские голоса. Одна из женщин что-то увлеченно рассказывала, и сдавленно, будто едва сдерживаясь, похохатывала. Этот конспиративный смех, уже и не смех, а то ли кашель, то ли плач, был столь азартен, что Кашин невольно улыбнулся.

Смех приблизился, смолк, скрипнули камешки под ногами, и женский голос со значением произнес:

– Дима, ради бога, простите, если мы вас разбудили...

– Я не сплю, – отозвался из темноты Кашин. Оказывается, его уже знали по имени.

– Дима, у вас случайно не найдется сигарет?

– Найдется, – сказал Кашин, благодарный за это дважды и притом тепло произнесенное «Дима», словно таким образом его вырывали из стойкого одиночества, предлагая взамен внимание и участие.

Не включая света, он нашарил пачку, граненый параллелепипед тяжелой зажигалки и поспешил наружу. Сердце его билось учащенно.

Возле дома в позах легкого смущения маячили два силуэта.

– Ради бога, еще раз простите, – мерцая белками глаз, встала перед ним соседка – ее загорелое лицо сливалось с темнотой, – ужасно курить хочется, а сигареты кончились. Настя не прснулась?

– Ну что вы... – невпопад сказал Кашин. – Если не возражаете, я тоже покурю с вами.

– Ой, здорово! – Соседка, ее звали Людой, озарилась, будто его общество было неожиданной наградой. Подруга Люды промолчала.

Втроем они прошли по хрупающему гравию и сели у фасада за небольшой круглый стол, покрытый холодной пластмассой. Тут уже сидел Людин десятилетний сын Боря, держа за передние лапы хозяйскую собачку по имени Чопик. Чопик скорее из вежливости повиливал хвостом.

– Уф! – с наслаждением выдохнула дым Люда. Подруга тоже закурила.

– А этот усатый, который тебя приглашал, – возобновляя разговор, снова оживилась Люда, – ты его не узнала? Он же на базаре, грушами... Днем нас ободрал, как липок, а вечером на эти же деньги... шампанским... Как он представился? Директор турбазы? – И она снова заразительно прыснула от смеха.

Иветта, так звали ее подругу, по-прежнему молчала, склонив голову набок и поддерживая Люду лишь слабой усмешкой, словно думала о чем-то далеком, своем.

Из неплотной черноты на свет лампочек высовывались деревья, и звезды едва держались в рыхлой разреженной высоте.

– Теперь хорошо бы на море, освежиться... – продолжала Люда. – Весь порядочный Коктебель принимает ночные ванны. Ну, чем мы хуже?

Иветта, не меняя позы, тихо, незначаше осведомилась, обращаясь к Кашину:

– А у вас нет желания?

В одно мгновение декорацию развернуло, и действие потекло неведомым путем.

Открыв дверь, Кашин на ощупь стянул с никелированной спинки Настиной кровати полотенце, вдохнул теплый сонный воздух и с легким чувством вины перед дочерью вышел.

Втроем – сына Люда с собой не взяла – они вышли за калитку.

Море было прошито рвущейся серебряной ниткой. Бетонные плиты дороги еще не успели остыть и источали тепло. Через несколько шагов все погрузилось в темноту, но и здесь, во тьме, были рассеяны частицы света, и мелкие камешки под ногами, иссохлые заросли колючего кустарника, крутые обрывы в складках оползней, – все было зримо.

Захрустела, разъезжаясь под ногами, галька. В круче затемнели пещерки, вырытые любителями мыльной глины – кила.

– Вот здесь дно совсем без камней, – раздался голос Люды.

Далеко на набережной светили отдельные огни, и их тонкие лезвия покалывали молчащую гладь бухты. Еще дальше, между едва различимыми очертаниями холмов, посверкивало ожерелье поселка Орджоникидзе. Небо обволакивал звездный дым, и сияние пронизывало землю, воду и воздух.

Рядом раздавались голоса, звучал смех. Коктебель и вправду купался. Кого-то звали – видимо, заплыл слишком далеко, слышались переборы гитары, и юношеский глуховатый тенорок негромко, для своих, пел знакомое: «Давай, брат, отрешимся, давай, брат, воспарим...»

– Так что? Раздеваемся? – бодро спросил Кашин, скидывая брюки. Оставшись в плавках, он направился к воде и тут обнаружил впереди два нагих, почти слитых с тьмой силуэта. Поколебавшись, он скинул плавки и пустился за ними. Впереди он видел Иветту, ее поднятые над водой руки, светлую поперечную полосу от лифчика на смуглой спине, крутой изгиб бедер, которые толчками раздвигали воду, загоравшуюся слабыми огоньками потревоженного планк-

тона. На ее загорелых ягодицах был различим узкий треугольный след от снятых трусиков, и это волновало.

Не умеющая плавать Люда остановилась, зайдя по пояс, а они поплыли.

– Какая вода! – раздалось им вслед. – Чудо! Парное молоко!

– Не сказал бы, – усмехнулся Кашин.

– Ах! Ух! – доносился до них ревнивый Людин голос, чтобы помнили о ней.

Неслышно, они продолжали плыть во тьму.

Впереди показалась черная округлая тушка, высоко лежащая на воде.

– Что это? – спросила Иветта.

Кашин решительно подался вперед:

– А... буюк.

– Ого, мы уже далеко. Ну что – обратно? – В ее голосе прозвучала неожиданная солидарность.

– Еще немного...

– Вы же замерзли... – Но сама продолжала прилежно плыть вперед.

– Ну, хватит, – сказала, наконец, она и повернулась к нему, аккуратно держа голову над водой, чтобы не замочить собранные на затылке волосы. – А то я, кажется, тоже замерзаю.

Стало как будто светлей. Над темной седловиной между Святой и Сюрю-Кая сияла небольшая луна, и в диковатом абрисе Сюрю, похожей на гигантский плавник, разрезавший плоть земли, угадывались запрокинутые в небо, спящие профили киммерийцев, пращуров этих мест.

Теперь Иветта и Кашин плыли рядом, невзначай касаясь друг друга и не сводя взгляда с аспидных гор, серебряной луны и неба, задымленного бледной звездной пылью.

– Дно... – разочарованно сказал Кашин, первым коснувшись песка.

– И правда. А где наша Люда?

– Это вы? – спросила та, плеснув в темноте. – Я уже стала беспокоиться.

Иветта поплыла к ней, а Кашину показалось нелепым крутиться возле них – он двинулся к берегу. Холод окончательно стянул его мышцы, зубы стучали.

Он растирался полотенцем, когда женщины вышли из воды. Иветта остановилась возле своей одежды в трех шагах от него. Маленькие упругие груди, затемненный, скорее всего подстриженный, лобок... – ее было хорошо видно в свете луны, но даже если она знала об этом, в ее движениях, когда она проводила полотенцем по груди, бедрам, животу, между ног было чуть вызывающее спокойствие натурщицы.

Все, что было затем – как шли, как сидели и курили за столом возле дома и говорили, говорили, легкость тела и какое-то ликование в душе, – все это, казалось, так и останется в этом единственном вечере и больше не повторится никогда, но на следующий вечер случилось то же самое, и на следующий – опять...

Однако Иветта по-прежнему жила своей посторонней, скрытной жизнью, и часы, проведенные пусть не наедине, но все же рядом с ним, ничего не изменили в ней. Она не сделала поправки на его соседство – даже выражение ее лица, когда она случайно сталкивалась с Кашиним, оставалось ровным, приветливо-равнодушным. Впрочем, случайных встреч больше не было, потому что отныне Кашин пролагал все свои маршруты с единственным расчетом – пересечь ее собственный путь. Так он узнал, когда она встает и когда завтракает, когда уходит на пляж и когда возвращается, когда – непреложный послеобеденный сон, а когда – походы на базар и в магазины, – но все это с кем-то, без него, да так, что ему и не подойти. И только по вечерам она вдруг снова начинала узнавать его, взглядывала чуть внимательней, отвечала и могла улыбнуться.

Но еще засветло были прогулки на Тепсень, поросший колючей травой и полынью. Раза два он тоже ходил – здесь были Иветта, Люда с сыном Борей, ни на шаг не отходившим от нее,

собачка Чопик и Настя, привязавшаяся к женскому обществу с огорчающей Кашина страстью. Отпустив ее с женщинами, сам он чуть погода поднимался на Тепсень, раскладывал походный стульчик и, выбрав направление, принимался за акварель. На закате, как правило, скромном и торопливом, море приобретало неожиданные цвета, холмы, окаймляющие бухту, плавно показывали горизонт, и даже от Кара-Дага – непристойно развороченной каменной плоти – оставался умиротворенный силуэт – синий, лиловый, фиолетовый... Или, развернувшись на запад, Кашин писал ту невысокую гору с двух вершинами, за которую, выжигая в ней ультрамариновую кромку, садилось солнце. Отроги Сюрю-Кая обугливались от бьющего из-за них оранжевого света, и в глазах на ослепленной сетчатке долго не истаявали черные точки солнца.

Нигде не работалось так хорошо, как здесь, – может быть потому, что вдалеке, за увалами и полями соломенного цвета шли по тропе, меняясь местами, несколько фигурок, и, приглядевшись, можно было различить Настю и Иветту. Они шли вдоль его акварели, шли, не приближаясь к краю, отчего она становилась беспредельной. Ему казалось, что они тоже видят его через эти иссушенные пустоты минувшей жизни, и сознание соучастия в едином времени и пространстве, соучастия явного и зримого, как-то по-особому связывает их.

Иногда он поджидал эту маленькую группу, в которой было двое близких и дорогих ему существ, раскладывал перед ними на вытоптанной траве новые акварели и говорил:

– Ну, хвалите...

– Уж, обязательно и хвалить... – делала Настя гримаску, но сама ревниво следила за склоняющимися лицами.

Иветта изучала его наброски дольше, чем Люда, в уголках ее губ возникала готовность что-то сказать, потом она молча взглядывала на Кашина и отходила в сторону. Она будто собирала о нем информацию для некоей неведомой цели.

Он любил эти возвращения с Тепсень – в наступающие сразу сумерки. Право жить, дарованное удавшейся работой и готовность поделиться удачей со стекающей к морю толпой столь явно преобладали над хандрой и смутой, что казалось – так будет всегда. Словно для этого нужен лишь талант и хотя бы немного свободы.

Однажды таким вот вечером Иветта подарила ему цветок – Кашин только что вернулся с этюдов и гремел умывальником.

– Вот вам за ваши труды, – протянула она ему незнакомое растение с четырьмя удлиненными белыми лепестками, раздвинутыми попарно вверх и вниз. На стебельке, между регулярно расположенными короткими листиками торчали шипы. – Только не уколите. Это, кажется, каперсы.

Подарила при всех и оттого чуть небрежно.

Цветок он поставил в толстый граненый стакан и любовался его холодной цветовой гаммой с повторяющейся в каждой грани ножкой, бесстрашным разворотом лепестков, между которых призывно высыпала нежная метелка тычинок. Рядом созрел еще один бутон – острый и крепенький на ощупь.

Позднее, снова плывя рядом в ускользающей, словно тело отталкивало ее, черноте, Кашин проглотил ком в горле и сказал:

– Давайте на «ты».

Кашин познакомился с со своей будущей женой на втором курсе института, а на пятом они отнесли заявление в ЗАГС. Матушка его была против этого брака, усматривала в действиях Ольги голый расчет – получить ленинградскую прописку – и после тяжелых объяснений Кашин переселился к Ольге в общагу. Жили в тесной, но отдельной комнатухе, через год родилась дочь, и они стали снимать квартиру. Хронически не хватало денег, хотя работали в четыре руки: он – в солидном издательстве, она – на дому. На лето Ольга уезжала с дочкой к себе на родину – в Тулу, где у ее родителей был свой дом, и одно время даже возникала идея переехать туда, тем более, что Кашин, не говоря уже о Насте, был у них всегда желан-

ным гостем. И издательство там было – тоже крупное и солидное, где к столичным художникам относились с соответствующим пиететом. Но Ольга сама воспротивилась – провинция, ни одного интеллигентного лица. Не для того она завоевывала Питер... Когда Насте исполнилось три года, ее отдали в детский сад, и Ольга наравне с мужем потянула лямку – у нее была цель: красиво одеваться, ездить в собственной машине, иметь квартиру и дачу. Она была практичной женой, тут и там заводила полезные знакомства.

Вскоре они обзавелись двухкомнатной кооперативной квартирой, а спустя год-два – шестью сотками в садоводстве, на которых мечтали соорудить нечто фундаментальное. Нужны были деньги, много денег, время уходило на их зарабатывание, но красивая жизнь все не наступала. От вечной усталости у Ольги бывали депрессии – тогда она рвала эскизы, плакала, лежа лицом к стене, забывала приготовить обед, взять Настю из садика, и, вернувшись со службы, Кашин бежал за дочерью, а потом – по магазинам. Он считал жену талантливой себя.

Был ли он с ней счастлив? Да, только давно, там, в общежитии с одной туалетной комнатой на весь коридор, постоянной заняти с двенадцати до двух ночи, потому что это было время до – и послелюбовных омовений. У них с Ольгой была огромная постель на древесностружечной панели, и они тоже почти каждую ночь занимались любовью; ранним же утром Кашин часто просыпался от любовного голода и осторожно овладевал сонной, вяло сопротивляющейся Ольгой. Это сопротивление сквозь забытие невероятно возбуждало его. Потом она снова проваливалась в сон, а он, благодарно и умиротворенно полежав рядом, вставал и, стараясь не шуметь, собирался на работу. Наверно, это и было счастьем – миг, когда он выходил легкий, почти невесомый, из дому и вдыхал утренний солнечный воздух, пахнущий снегом или цветущими липами, с мыслью о любимой женщине, спящей в сумраке зашторенной комнаты, и о работе, которая ждет его.

С появлением Насти Ольга резко изменилась – любовные утехы ушли для нее на второй, на третий, на десятый план. Теперь она допускала его до себя редко, и только когда ей самой было нужно позарез. Они давно уже спали отдельно – так гигиеничнее, считала Ольга. Она вообще была помешана на чистоте. Не красавица, она, однако, отлично усвоила столичный стиль и могла выглядеть вызывающе броской. Кашин не раз перехватывал хорошо ему знакомый беспокойно-тоскующий мужской взгляд, направленный в ее сторону. Но он ее не ревновал – она не давала к этому ни малейшего повода.

Она ушла вдруг и сразу. То есть, сначала она уехала с делегацией на международную книжную ярмарку в Болонью. А спустя две недели по возвращении делегации и пропажи Ольги, – он лишь знал, что «этим вопросом занимаются специальные органы», – спустя две недели раздался телефонный звонок из Рима, и она, живая, и какая-то деловито-непреклонная, с выключенными чувствами, спросила у него про Настю и сказала, что остается на Западе. «Что, навсегда?» – глупо спросил тогда Кашин.

«Невозвращенка» – это слово теперь везде следовало за ним, прилипло к нему. Нет, не прилипло – рассекло его пополам. И, хотя он выжил, и все его жилы, сухожилия и нервные окончания вроде бы срослись, в глазах его, на самом дне, так и осталось выражение виноватой растерянности. На работе его на всякий случай понизили в должности, сгоряча он было совсем хотел уйти, но матушка отговорила. Она была права – в данной ситуации это было бы равносильно волчьему билету.

Матушка вообще оказалась в те месяцы на высоте – ни слова против Ольги. Сама она разошлась с советской властью еще в сорок девятом году, когда арестовали ее мужа, отца Кашина. Но на дворе был восемьдесят пятый, и Кашина никто не просил покаяться и отречься от жены. В Большом доме, куда его несколько раз вызывали, он только растерянно пожимал плечами, и, похоже, там поверили, что он ни при чем. На последнем допросе ему было брошено: «есть у нее богатый покровитель в Риме»...

История оказалась загадочной и запутанной – про какого-то итальянского коллекционера советского андеграунда. Он познакомился с Ольгой на одной частной выставке, и что там было дальше, неизвестно, только в результате она стала его доверенным лицом. Потом Кашину показали фотографию. Смуглый радостный толстяк, рядом – улыбающаяся Ольга. Это случилось за год до той злосчастной поездки в Болонью. И целый год Кашин не только не знал ничего, но даже ни о чем не подозревал. Нагрянувшее было большой бедой, которую надо было как-то пережить. И Кашин пережил. Насте же поначалу объясняли, что мама в творческой командировке, потом – что она ушла от папы, но не от дочери, и рано или поздно приедет к ней. Впереди Кашина ждал развод, так, во всяком случае, заявляла ему Ольга, собиравшаяся замуж, но он знал также, что его родительские права гораздо предпочтительней, и уступать Настю не собирался. Когда вырастет – сама решит, с кем ей быть. С тех событий минуло больше двух лет, и все так или иначе улеглось. Настя редко упоминала Ольгу, словно разделив со взрослыми заговор умолчания.

В Галечной бухте остановились. Сизая, по-утреннему чистая галька еще источала прохладу. Утренними были скалы – и та, что вписывала в горный профиль Максимилиана Волошина линию лба и шевелюры. Часто, идя сюда от самого волошинского дома, он следил, как постепенно распадается этот профиль, и знал каждую из слагающих его скал. Там мы видим прошлое, сказал он. Но если пройти назад, то оказалось бы, что целое, имеющее вес в памяти и в сердце – это всего лишь разрозненные, разнесенные во времени бесформенные обрывки и обломки, скрепленные нашей ностальгией.

– Хм, надо подумать, – ответила Иветта, но по всему было видно, что думать ей сейчас не хочется.

Пока он снимал шорты, надевал ласты, вытаскивал из сумки маску с трубкой, Иветта уже плыла к мокрым черным камням, которые окунались в накатывающий вал и снова подымались в матово-серебристой стекающей бахrome. Говоря с Настей, он уже не отрывал взгляда от мелькающей в волнах головы и, зайдя в воду – литую, но подвижную, зеленовато-прозрачную – быстро промывал стекло маски, надевал ее и, прикусив загубник трубки, бросался в пучину... Только тут он осознавал, что торопится слишком явно, оборачивался к Насте и, выплюнув загубник, кричал:

– Вода – брррр...

Настя, понимая происходящее, снисходительно махала ему с берега рукой, и он решительно разворачивался в сторону Иветты.

Дно, дыша в такт прибою, все в каких-то веселых белых бабочках водорослей, за несколько взмахов ушло в глубину и смотрело на него издали своими угрюмыми выпуклыми камнями. Он плыл легко и быстро – голова Иветты качалась впереди – и он нырнул навстречу. Ее тело – теплого медового цвета – возникло над ним среди серебряной, неслышно мнущейся фольги, накрывшей море. Он вынырнул рядом, вырвал загубник и, переводя дыхание, кивнул в сторону камней: «Посмотрим мидий?»

Вдвоем они закачались возле уходящей в донные сумерки темной глыбы – округ нее дыбом стояли водоросли, их ржавая грива раскачивалась. Под узорчатым шитьем прятались раковины – створки их были чуть приоткрыты. Он нырнул и, вцепившись в водоросли, оторвал одну за другой три раковины, улавливая их живое мускулистое сопротивление. Мидий было жалко. Они сидели на камне плечом к плечу, раскрыв в аскетической усмешке щели ртов – безобидное братство двустворчатых...

Он протянул ей на ладони трех захлопнувшихся особей – она покачала головой.

– Отпустить? – спросил он и стал запрокидывать ладонь. Мидии медленно упали вглубь, мерно покачиваясь из стороны в сторону. Как они теперь вернутся домой? Вообще, лазают ли они по камням? Когда-то его потрясло передвижение морского гребешка – отчаянное трепыхание скорлупки, клубы донного песка и остающаяся следом канавка...

Настя встретила их взглядом исподлобья – забыли-таки о ней. Прибой усиливался и катал вверх-вниз влажно рокошующие камешки. Мимо тянулись завсегдатаи этих мест. Пятидесятилетний толстяк-коротышка в мятых брюках и майке остановился поодаль и завистливо смотрел на них. Чем-то он смахивал на Ольгиного итальяшку, и Кашин усмехнулся. С момента, как он увидел Иветту, прошлое словно кануло в неизвестность, и он сам себя не узнавал.

Настя тоже, было, собралась купаться, но передумала. Ей не понравилась вода – была слишком свежа, да и прибойная волна становилась небезобидной. Но больше всего ей не понравилось дно. Каменистое она не признавала. Достаточно было только представить его под собой, да еще в водорослях, чтобы начать тонуть. Приветствовалось только песчаное. С оттопыренной нижней губой дочь в сомнении стояла у крутого уреза и, уронив голову, пошла назад.

– Что ты? – поспешил к ней Кашин. – Боишься?

– Нет. Я не хочу купаться, папа, – быстро сказала она, сдерживая слезы. В этом был и укор, что оставил ее одну, и ревность, и отместка. Кашин подобрался. Присутствие дочери никогда не позволяло ему расслабиться. Вот и теперь надо было сделать что-то быстро и точно, чтобы отвести ее в благополучную сторону.

– А знаешь что? – сказал он тем заговорщицки оживленным тоном, от которого у детей раскрывается рот и округляются глаза. – Давай вместе поплаваем? В масках. Там на дне такие водоросли... как бабочки-капустницы. Помнишь капустниц?

– Помню, – с притворным равнодушием сказала Настя – все-таки восемь с половиной это не пять лет – поддаваясь однако его энтузиазму.

– Так идем? – протянул он руку. И она, взглянув на него посветлевшими глазами, привычно вложила в его ладонь свою.

... Долго пробирались среди скальных обломков – то вверх, то вниз. Крапчатые глыбы поблескивали на сколах кварцем. Из воды торчали каменные стада, и мощный прибой обрамлял их мечущейся пеной. Тупой мыс, как серый форштевень старого броненосца, двигался навстречу белым гребням волн. Среди камней тут и там показывались погруженные в свой досуг туристы, транзисторные их приемники, вытянув в эфир свое серебристое щупальце, улавливали в солнечном пространстве музыку и голоса.

Бухточка перед мысом была взгорблена непрерывным накатом волн.

– Так что, вплавь или пешком? – спросила Иветта.

– Попробуем пешком, – сказал Кашин. – Вы посидите, а я схожу посмотрю. – И, не снимая кед, вошел в воду.

Держась за шершавую, изъеденную морской солью скалу, инстинктивно поджимая живот, когда окатывало волной, он добрался до небольшого грота. Дальше начинался карниз. В тихую погоду до него можно было добраться по груди в воде – но сейчас волны захлестывали с головой. Кашин поплыл.

Вдоль шершавого, как наждак, карниза развеивалась бурая борода водорослей. Кашин ухватился и вылез. Вода ходила вдали тяжелыми темно-синими горами, а рядом, под ногами, прокатывалась стремительно зеленая, как бутылочное стекло, и вскидывалась султанами пены. Остановившись на самом краю мыса – так, что море воссоединилось в едином беге к берегу, Кашин вдруг почувствовал себя абсолютно свободным и засмеялся.

Настя и Иветта нетерпеливо ждали его.

– Поплывем, – сказал он. – Пешком невозможно. Волна бьет. Еще чего доброго захлебнешься, – подмигнул он Насте. – Вылавливай потом. Удочкой.

– У тебя нет удочки, – сказала Настя.

Он надул детский резиновый матрасик и принялся упаковывать сумки. Впервые их вещи оказались вместе с Иветтиными.

В надувном поясе и ластах Настя легла у берега на матрасик, и Кашин поплыл, держа его перед собой и стараясь избегать волн.

Только однажды их успел окатить слишком рано зародившийся вал, который пошел дальше, вырастая и грозно плеща опрокидывающимся гребнем. Настя ойкнула, и Кашин крикнул азартно:

- Ну как?
- Хорошо!
- Не боишься?
- Нет!

Он оглянулся – видела ли их Иветта, но не успел найти ее глазами – очередная волна закрыла береговую черту.

Огромные волны били в мыс, и Кашин огибал его на почтительном расстоянии. Справа поднялись отроги Кара-Дага – ржавые, в темных подтеках стены, выше – скалистые башни, громоздящиеся над охристо-зелеными зарослями, еще выше – поставленные на ребро острые уступы – то ли плавники, то ли зубья гигантских шестерен, тщащихся в последнем усилии повернуть и опрокинуть в море налипшую между ними мягкую земную плоть. Кашин узнал это место – именно там, наверху, сидел он со своей бездарной кистью. Напряжение упало и, казалось, так можно плыть вечно, с Настей, поодаль от нестрашной громады Кара-Дага, покачиваясь на гладких волнах, не думая о глубине под собой, о прибое, который надо будет одолеть, чтобы выбраться на сушу; казалось, суша не нужна, а только – это плавное покачивание, солнце, нагретый морской воздух, слепящие белые вспышки пены, с судорожной настойчивостью облизывающие мыс...

- Тебе нравится? – спросил он у Насти.
- Угу! – потусторонне откликнулась она, погруженная в свое.

За мысом возникла и стала приближаться Сердоликовая бухта. На берегу было еще пусто – только три человека сидели, глядя в их сторону. Полоса прибоя бешено попирала берег – доносился гул и рокот воды и камней. Переждав на глубине, пока пройдет несколько мощных валов, Кашин крикнул Насте: «Держись крепче! Не отпускай матрас!» – и, ухватив его понадежней, ринулся вдоль накатывающей волны. Чудесная сила, как в сказке, вдруг приподняла их и стремительно понесла к берегу. Пенный гребень обрушился впереди широкой бородой в раскручивающихся, обгоняющих друг друга завитках, и в это раскатывающееся пространство в единственно точный миг Кашин отпустил Настю на легком матрасике, который, мелькнув пленочным желтым днищем, вылетел на берег. Волна еще не успела хлынуть обратно, как Настя проворно вскочила и оттянула матрасик подальше, на безопасное место. Кашин махнул ей рукой и, не дожидаясь, когда его самого опрокинет отливом, ринулся от берега.

Выплыл он на следующей волне.

- Ну, Дима, ты даешь! – восхищенно сказала Настя.

Кашин попросил присмотреть за ней тех, кто добрался сюда еще раньше – двух юношей и девушку – и снова пошел в воду, держа матрасик.

- Возвращайся скорей! – крикнула Настя.

Миновав полосу прибоя, Кашин обернулся. Настя ковырялась на берегу в камнях – искала обещанные сердолики.

Он плыл, глядя на Кара-Даг, который за это время утратил последние тени – был освещен в лоб и растворялся в слепящем мареве. Волны все так же разбивались о мыс, но теперь вдоль него лепилось несколько людских фигурок, посуху перебирающихся в бухту. Другие перебирались вплавь – навстречу Кашину двигались два надувных матраса с подмоченными рюкзаками, рядом среди волн чернели поплавки голов.

За мысом на берегу толпились люди, объединенные каким-то событием. Толпа переместилась, и в центре ее мелькнул человек, держащийся за голову. Когда Кашин вылезал из воды,

люди уже расходились. Возле сидевшего на камне молодого мускулистого парня, у которого была на голове кровоточащая рана, стояла Иветта. Она обернулась и посмотрела на Кашина с насмешливой многозначительностью. Парень встал и нетвердо пошел прочь, осторожно касаясь раны лоскутом белой материи. Лицо его было бледным.

– Что случилось? – спросил Кашин.

– Этот молодой человек вообразил себя альпинистом. – Иветта кивнула на ржавый каменный склон. – Ему повезло. Грудную клетку немного ушиб – вот и все. Я сделала искусственное дыхание, массаж... Дойдет. – Она внимательно посмотрела ему вслед. – А рана пустяковая – ссадина.

– Так ты врач?

– Допустим...

– Это замечательно!

Она пожала плечами. А когда уже плыли рядом, держась за матрасик, который успешно нес над водой их сумки, добавила, словно ради истины:

– Ничего замечательного тут нет!

В Сердоликовой бухте уже стояла жара. Ветер пролетал мимо, отсекаемый мощным Плойчатым мысом, который замыкал бухту с дальней стороны. Гремел прибой. Кашин натянул тент, и втроем они собрались на вырванном у жары квадратике тени. Больше спрятаться было негде. Пожалуй, было нерасчетливо забираться в этот накаленный каменный мешок. Кашин с беспокойством посмотрел на Настю – лицо ее было красным с бисеринками пота на переносице:

– Ну что, искупаемся?

Настя отрицательно замотала головой. Она достала книгу и с демонстративным видом улеглась на матрас. Гнев, требующий немедленной расправы, охватил Кашина. Как она себя ведет?! Будто все ей обязаны. Вылитая мать. Но он, заставив себя улыбнуться, сказал:

– Ну и отлично. Почитай пока, а мы поплаваем, идет?

Настя быстро взглянула на него и не ответила. Испытанный гнев давал ему недолгое право не считаться с ней, но и это он отмел – протянул руку, коснулся пальцами ее узенькой пятки:

– Все в порядке, малыш?

Она инстинктивно подобрала ногу и кивнула, зажмурив глаза.

Иветта была уже далеко – и Кашин не сразу ее догнал. Его лапы никуда не годились, только шлепали по воде, и сам он тоже будто шлепал то возле дочери, то вокруг Иветты, не зная, как их соединить.

Качнулось и ушло в глубину дно. Мутная вода, вся во взвешенных частицах поднявшегося к поверхности ила, прояснилась. Длинные гладкие волны катились к мысу. Неподалеку от него они натывались на невидимую преграду и истрачивали свою силу, закручиваясь короткими гребешками. Там была подводная скала, едва скрывавшая под поверхностью свой плоский, скошенный к берегу верх, покрытый водорослями и колониями мидий. Волна перенесла Кашина через это подводное плато – он сделал в воде сальто и устремился обратно к Иветте, которая предусмотрительно держалась в стороне от скалы.

– Что, поцарапался?

– Нет, что ты! – сказал он, но тут же ощутил жжение на груди. Он опустил лицо в маску под воду – дымная красноватая струйка исходила от содранной на груди кожи. Он виновато глянул на Иветту.

Она укоризненно покачала головой.

– Ерунда, – сказал он. – Надеюсь, запах крови не привлечет акул.

– Одну уже привлек, – хмыкнула она и исчезла под водой. Кашин нырнул следом.

Скальный монолит, освещенный солнцем, уходил отвесно в глубину, и возле его стены висела стая мелких рыбок. Словно повинаясь сигналу, они враз поворачивали свои узкие темные спинки то в одном, то в другом направлении и вспыхивали серебряным блеском. Иветта, приблизилась, заглянула в его маску смеющимися глазами, тронула за плечо и стала подниматься. Волна неслышно опрокинула навстречу водоросли, и просвеченная солнцем вода, серебряное мерцание стаи, бронзово загорелая Иветта, поднимающаяся из голубовато-зеленой глубины, – все это снова наполнило Кашина ликующим ощущением счастья.

Он еще долго нырял с выступов мыса прямо в расщелину между подводных глыб, где вода была особенно чистой, литой и глубокой, и особенно белопенным – ее живое, упругое кружево, и каждый раз, когда он врзался в сумеречную глубину, обнимающую его огромным, свежим, сильным объятьем, он чувствовал ожидание Иветты и, чтобы продлить его, греб, не выныривая, все дальше и дальше, как в детстве, когда, завидев девочку, которая ему очень нравилась, он бежал не к ней, а в сторону.

– Дима, ты где это так? – испуганно спросила Настя, завидев его кровотокающую ссадину.

– Это меня морской скат, – сурово сказал Кашин, – хвосток. Он бросился на Иветту, а я заслонил ее грудью.

– Ну, уж и скат? – в глазах Насти мелькнуло, что теперь-то она ни за что не полезет в воду. – Что, правда? – перевела она взгляд на Иветту.

– Твоему папе виднее, – ответила та.

Кровь потекла обильнее, и это нравилось Кашину. Хорошо, если бы он действительно был ранен. Чтобы Иветта позаботилась. А он бы, например, продемонстрировал равнодушие к боли. Хорошо бы вывихнуть ногу и идти, опираясь на Иветтино плечо.

Что-то новое, точнее, старое, но давно забытое, происходило с ним. И все из-за нее, из-за Иветты. Он вроде и не старался сохранить привычную независимость в отношениях с ней, чувствуя, что в мужских своих хлопотах выглядит беспомощно, суетливо, почти нелепо, и все, что ему остается – это открыться, склонить голову и ждать знака. Столько дней прошло, как они познакомились, а ничего не изменилось. Даже ночные купания не способствовали сближению, и каждое утро Иветта оказывалось на прежнем непреодолимом расстоянии, – незнакомой юной женщиной со смытым недовольным лицом, как если бы сон был тяжел, а явь – нежелательна. Женщина эта морщилась, вяло переставляя литые стройные ноги, едва прикрытые застиранным халатиком, ее огромные бледно-желтые волосы с выгоревшими платиновыми прядками были небрежно скручены узлом на затылке, она нехотя трогала звякающий клапан рукомошника, и сколько Кашин ни наблюдал сквозь занавеску, она ни разу, хотя бы из праздного любопытства, не повернула голову к его окну. Вряд ли в этом был обдуманный вызов – она и в самом деле не интересовалась Кашиним. Только однажды днем, столкнувшись с ним на дороге, она посмотрела на него так, как не смотрела прежде – остро, взыскательно, удивленно – и ее бледно-голубые глаза, хранившие сосредоточенность привыкшего к одиночеству человека, неожиданно потеплели. И то, что она согласилась отправиться с ними к черту на кулички, в эту самую Сердоликовую бухту, вселяло в Кашина какую-то безумную надежду.

... Камни накалились так, что босиком нельзя было сделать ни шагу. Солнце стояло в зените, и все пещерки и щели, дававшие тень, были заняты прибывающим народом. Только переместившись к Плойчатому мысу, нашли наконец тень. Настя, тут же воспрянув от перемен, запрыгала по камням и принесла странное насекомое, похожее на огромного кузнечика. Кузнечик лежал на одном из камней, мокром после отхлынувшей волны. В немом потрясении Настя держала это желтоватое существо о шести длинных ногах, с брюшком гармошкой и уса-той козлиной головкой, на которой смотрели в никуда выпученные глазки. Брюшко еще трепетало, чуть втягиваясь и распрямляясь.

– Он дышит, смотрите, он жив! – воскликнула она.

Но кузнечик не оживал. То, что судорожно цеплялось в нем за этот горячий освещенный мир, было слишком слабым перед холодной стихией тьмы, заполонившей тело. Он уже не имел желаний, чтобы ожить. И только изумление от перехода из одного состояния в другое выражалось в его глазах. Когда брюшко перестало судорожно сокращаться, Настя пролила слезу:

– Его смыло волной, и он захлебнулся.

– Не обязательно, – сказал Кашин. – Может быть, он сознательно принял смерть. Может, у него были на то веские причины. Несчастливая любовь, например.

Иветта с любопытством посматривала на них.

– Нет, – сказала Настя, – он был семейным человеком.

– А разве семейный человек... – в азарте начал Кашин, но осекся.

Жар слабел, уходил в сердцевину каменных глыб. Солнце поворачивало за Кара-Даг, и от прибрежных обрывов ложились новые тени. Раскаленный берег остывал, воздух стал тоньше, прозрачней, в нем рельефней обозначились скалистые склоны, камни, волны. Из-за Тупого мыса, отчаянно раскачиваясь с носа на корму, появился прогулочный теплоход. С борта доносился голос гида. Пассажиров было немного.

– Бедняги, – сказал Кашин, – думаю, там повальная морская болезнь.

Словно услышав его слова, гид внезапно замолчал, и раздалась бодрящая музыка. «Лето, ах, лето!» – пела всем известная певица. Как по сцене, теплоход проследовал от левой кулисы к правой и скрылся за Плойчатым мысом. Кашин и Иветта взглянули друг на друга и засмеялись. Настя поняла их и тоже засмеялась. Чтобы оценили ее понимание, она смеялась громче всех.

– Ну что ты, ну что ты заливаешься? – обернулась Иветта, протянула руку, чтобы привлечь к себе, и Настя охотно и мгновенно перебралась к ней, свернулась калачиком, прильнула, обвила за шею. – Ну что ты смеешься, дочь своего отца, – гладила ее волосы Иветта.

– Я не дочь, я девочка, – проворковала Настя, уткнувшись носом в Иветтино плечо.

Иветта глянула на Кашина из-за ее головы смеющимся глазом. Не вставая, Кашин подвинулся боком к ней и подставил ей под спину согнутые в коленях ноги.

– Так тебе будет легче ее держать, – сказал он. – Удобно?

– Вполне, – отозвалась Иветта.

Он лежал навзничь на теплой гальке, ощущая Иветтино плотное, но необременяющее прикосновение и, поскольку она была занята Настей, мог беспрепятственно глядеть на нее. Ее чистых линий профиль казался бы спокойным и созерцательным, если бы не нежный чувственный подбородок да чуть саркастическая улыбка небольшого слабого рта. Эта мягкая линия с внезапной вибрацией губ и подбородка, похожего на каплю, перетекала в невысокую, но точной лепки шею, а волосы, забранные наверх, придавали всему Иветтиному облику несколько манерную горделивость.

Массив, скрывающий теперь от них солнце, был цвета сепии. В его срезе на большой высоте виднелись вмурованные в окаменевшую лаву валуны, на месте выпавших – чернели округлые пещеры.

– Может, отойдем подальше? – сказал Кашин. – Страшновато. Вдруг упадет глыбина...

– Сегодня не упадет, – не оборачиваясь, сказала Иветта. – Я чувствую.

– Это нельзя почувствовать, – сказала Настя, опасливо привставая с Иветтиных колен.

– Можно, – сказала Иветта. – Животные за несколько дней чувствуют землетрясение.

– Но мы ведь люди.

– Люди – это тоже животные. Только высшие.

– Но почему тогда я ничего не чувствую? – не сдавалась Настя.

– Ты тоже чувствуешь, что не упадет. Иначе бы не сидела до сих пор у меня на коленях.

– И правда, – удивилась Настя, снова обхватывая Иветтину шею.

– Слезай, – сказал Кашин, – Иветта устала тебя держать.

– Разве ты устала? – спросила Настя, заглядывая Иветте в лицо. – Я ведь легонькая. Всего двадцать пять килограммов.

– Что ты, отец, воду мутишь? – сказала Иветта. – Если сам устал, так и скажи... – И выпрямила спину, будто наказывая его.

Вечерело. Свежий воздух стекал с Кара-Дага по распадкам, и золото неба мешалось с голубизной. Прибой не слабел, но волны больше не казались неукротимыми. В них было не столько напора, сколько инерции. Берег опустел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.